

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию протоиерея Николая Александровича Карасева
«Феномен православной мистики: истоки и осмысление в русской
богословской мысли XVIII – сер. XX вв.», представленную на
соискание ученой степени доктора богословия.

Диссертация протоиерея Николая Александровича Карасева посвящена актуальной теме, как для богословия, так и для философских дисциплин, предметом которых является изучение феномена мистики. Если говорить о философских работах, на данный момент существует весьма небольшое количество кандидатских диссертаций по данной теме, и в них феномен мистики рассматривается, как правило, с точки зрения философской антропологии, психологии, культурологии, либо как фактор социальной жизни. Из докторских диссертаций, насколько мне известно, только в исследовании В.В. Кравченко «Мистицизм в русской духовной культуре XIX - начала XX века», 1998 г., мистика в первую очередь и в основном рассматривается как элемент религиозных традиций и религиозно-философских учений. Однако работа Кравченко, помимо своей давности, тематически только пересекается с диссертацией Н.А. Карасева и основывается, как указывает сама автор, на методах психологического подхода к религии, недостаточного для полноценного осмысления феномена мистики. «Мистическое» в современном общественном сознании, с одной стороны, является предметом повышенного интереса не только на бытовом уровне, но и в области серьезных интеллектуальных, экзистенциальных поисков и религиозных практик, для которых важен не столько психологический, сколько мировоззренческий аспект мистических учений. С другой стороны, в публицистике, у некоторой части научного сообщества термин «мистик» нередко ассоциируется с психической патологией, антиподом всего здорового и рационального, а «мистика» – с маргинальной, теневой стороной культуры. Такое отношение к понятию «мистики» вызвано плохим знакомством с его историческим содержанием, а также поверхностным объединением под общим названием «мистики» совершенно разных явлений и традиций, в

результате чего отрицательные черты одних учений и практик ошибочно переносятся на другие. Поэтому являются востребованными работы, в которых всесторонне и основательно исследуется феномен мистики и показываются отличия одних видов мистики от других. Именно к таким работам можно отнести и диссертацию протоиерея Н.А. Карасева, центральной темой которой стало систематическое изложение истории, фундаментальных принципов и отличительных свойств православной мистики.

Можно признать, что автору удалось осуществить задуманное, и не в последнюю очередь потому, что он, в отличие от многих современных исследователей, производил анализ феномена православной мистики не с точки зрения психологии или культурологии, а с точки зрения богословия, что позволило выявить принципиальные отличия в понимании целей, характера и оценки мистического опыта в православной религиозной традиции сравнительно с другими.

Удачной представляется структура диссертации, вполне соответствующая теме диссертационного исследования. В первой главе «Православная мистика в свете церковного предания: зарождение и развитие понятия» автор рассматривает историю термина «мистика» и его производных в античной культуре, характер их употребления в Священном Писании, христианской церковной письменности до XIV столетия. В главе излагаются основные этапы формирования мистического богословия в патристике, раскрывается определяющее значение исихазма для традиции православной мистики как наиболее полной формы ее теоретического выражения и практической реализации.

Темой второй главы является «Возрождение мистического опыта умного делания в духовной жизни православного востока и России в XIV–XIX вв». Автор в хронологическом порядке излагает историю рецепции византийского мистического богословия в русской православной традиции, делая предметом рассмотрения не только церковную письменность, но также и духовно-аскетические практики. Автор обоснованно уделяет особенное внимание деятельности преподобного Максима Грека, учившего о мистическом богословии

как необходимом элементе христианства и ставшего соединительным звеном между византийской и русской духовными традициями в XVI веке. Центральное место в данной главе занимает освещение трудов, учения и жизни преподобного Паисия (Величковского), положившего начало полноценному возрождению отечественной православной аскетической традиции и оказавшего влияние на формирование трех выделяемых в диссертации центров духовного умного делания в России: Саровской пустыни, Рославльских лесов и Оптиной пустыни. В данной главе автор аргументированно демонстрирует преемственность между византийской мистической исихастской традицией и наследием, духовным опытом преподобного Нила Сорского, святителя Тихона Задонского, преподобного Паисия (Величковского), подвижников трех вышеназванных центров умного делания в России, что позволяет говорить о существовании единой непрекращающейся традиции православной мистики. Анализ автором отношения к мистике в целом и к мистической составляющей в аскетической монашеской письменности у святителей Игнатия (Брянчанинова) и Феофана (Затворника) представляет несомненный интерес, в частности для русской патрологии.

В третьей главе «Основные формы мистики в России XVIII-XIX вв. и отношение к ним православной Церкви» рассматривается история распространения и характерные черты нецерковных форм мистики в Российской империи. Для сравнения данных, в том числе и эклектичных форм мистики с православной автор предлагает классифицировать все виды мистических учений и практик в соответствии с тремя предложенными им моделями мистики: неоплатонической, оккультной и христианской. Данная типология представляется оправданной и перспективной для оценки и систематизации различных форм мистики. В заключительном параграфе третьей главы анализируется реакция православного сообщества на нецерковные формы мистики в период т.н. «Александровского мистицизма» и последующие десятилетия. Автор, как представляется, вполне обоснованно именно в этом параграфе данной главы рассматривает место в отечественной православной мистической традиции

святителя Филарета Московского, с одной стороны, в рамках своего церковного служения исторически тесно связанного с эпохой «Александровского мистицизма», с другой, содействующего сохранению и развитию церковной православной мистической традиции, что аргументированно показано в диссертации. Также нельзя не отметить ценные рассуждения и выводы автора о причинах распространения и популярности нецерковных форм мистики в русском образованном обществе во второй половине XVIII – начале XIX веков, в частности, мысль о том, что утрата преподаваемым академическим православным богословием мистической составляющей повлекла за собой удаление первого от сферы аскетического духовного опыта и неудовлетворенность этим богословием тех, кто, разочаровавшись в рационалистической культуре эпохи Просвещения, проявлял интерес к религиозным темам. В итоге, такие люди удовлетворяли свои духовные запросы, обращаясь к нецерковным формам мистики.

Четвертая глава диссертации «Осмысление православной мистики в русской богословской мысли XIX–нач. XX вв.» излагает историю последовательного изменения отношения к понятию «мистика» и к мистическому богословию в церковной академической науке и в русской философии. На фоне явного недостатка историографических работ в современных научных исследованиях, работа протоиерея Н.А. Карасева в особенности ценна своей историографической составляющей, освещением и анализом отечественных богословских и философских сочинений, затрагивающих тему отношения к мистике, а также исторических работ, посвященных исследованию мистических течений в России. Все это позволило автору наглядно представить картину отношения к мистике в различных ее формах в отечественном богословии и в русском общественном сознании в период с XVIII по XX век.

Пятая глава «Изучение и переосмысление мистического богословия свт. Григория Паламы как главной формы православной мистики в России в кон. XIX–сер. XX вв.» посвящена истории исследований о свт. Григории Паламе в отечественной науке и рецепции его учения в русском богословии. Автор представляет обоснованную и выверенную периодизацию рецепции паламизма,

дает подробный анализ подходов к освещению учения свт. Григория Паламы в отечественных исследованиях начала XX столетия, у представителей русского зарубежья.

Заключительная шестая глава диссертации «Православная мистика: опыт систематизации» формулирует основные выводы диссертации об основных принципах и отличительных особенностях феномена православной мистики сравнительно с другими ее формами. Автор отмечает основополагающее значение события Боговоплощения для православной мистики, ее принципиальную христоцентричность, выделяет аскетическую (богоуподобление), гносеологическую (свехрациональное богопознание) и онтологическую (обожение) составляющие православной мистики, делает заключение, что православная мистика основана на врожденной потребности человека в общении с Богом и богопознании и потому не является чем-то неестественным для человека, она указывает и характеризует сокровенный опытный духовный путь преобразования человека и соединения с Богом в нетварных Божественных энергиях. Именно отсутствие онтологической составляющей соединения с Богом в нетварных энергиях, как доказывается в диссертации, составляет отличие католической мистики от православной.

Данные выводы автора, равно как и выводы о существовании единой традиции православной мистики, сохраняющей свою преемственность в византийском и русском православии, о принципиальном значении исихазма, паламизма в богословском обосновании и наиболее адекватном выражении православной мистики, а также общая характеристика отношения к теме мистики в отечественном богословии предыдущих трех столетий представляются убедительными и обоснованными материалом диссертации.

К недостаткам диссертации протоиерея Николая Александровича Карасева помимо некоторых стилистических недочетов следует отнести чрезмерно пространные выводы к главам диссертации. По содержанию диссертации можно высказать следующие замечания: Во Введении (с.16) в 7-м пункте положений, выносимых на защиту, автор несколько схематично противопоставляет, на наш

взгляд, «официальную» религиозность в России XVIII века и мистическую, представленную социальными низами, странниками, отшельниками. Но разве среди представителей «официальной» религиозности не было сторонников православной мистико-аскетической традиции, таких, как митрополит Гавриил (Петров), святитель Тихон Задонский, которому автор диссертации посвящает целый параграф. 8-й пункт тех же положений сформулирован слишком пространно и вместе с тем в нем отсутствует важный вывод диссертации о продолжении православной мистической традиции в деятельности преподобного Паисия (Величковского). Об этом можно догадываться только из контекста. В 12-м пункте тех же положений говорится: «В течение всего XIX в. формулируются основные положения православной мистики, происходит ее дифференциация от католической мистики и философской неоплатонической формы мистики». Но не добавлено, что речь идет об отечественной православной традиции, поскольку сам автор диссертации показывает, что в византийской традиции, это было сделано на соборах, утвердивших богословское учение святителя Григория Паламы. На стр. 167 диссертации автор, описывая время споров о вере на Руси в XV–XVI вв., причиной появления ересей называет только, приводя слова А.Г. Дунаева, «тенденцию к практическому усвоению христианства», «без необходимого его теоретического осмысления, с преобладанием в России тенденции к общежительному монашеству и с отсутствием ученого монашества». Не оспаривая известной правоты данного суждения в том смысле, что теоретическое осмысление христианства святыми отцами и ученое монашество нередко защищали верующих от еретических заблуждений, все же следует отметить, что названная причина не может быть единственной и достаточной. Ведь тенденция к практическому усвоению христианства и все, что сказано далее, имели место на Руси и в предшествующие столетия, но не порождали таких серьезных ересей, как в XV–XVI вв. Сам автор в начале главы вслед за Гребенетским констатирует «дух особой пытливости о вере» и страсть к праздным рассуждениям о ней, охватившие все слои населения, включая монашество, в XV–XVI столетии. Вероятно, именно это стало питательной почвой

для появления ересей, но названная страсть, как представляется, напрямую не вытекает из стремления к практическому усвоению христианства без его теоретического осмысления и из отсутствия ученого монашества. Среди ересиархов и их последователей в истории христианства нередко были весьма образованные люди. Потому святитель Игнатий (Брянчанинов) одним из источников появления ересей называет человеческую ученость, однако в первую очередь определяет ересь как плод гордыни. Таким образом, у него ересь возникает, напротив: при теоретическом осмыслении христианства без надлежащего его практического усвоения, а именно без приобретения смирения и кротости, противоположных гордости. Поэтому вопрос о причинах появления ересей на Руси в XV-XVI вв. требует уточнения. На стр. 304 автор предлагает следующую классификацию «типов религиозного сознания» в второй половине XVIII – первой половине XIX столетий: (1) церковно-религиозное; (2) академическо-богословское; (3) аскетико-мистическое; (4) эклектико-мистическое сознание. Однако при такой классификации логические объемы выделенных типов, очевидно, будут пересекаться. Так, например, религиозное сознание Оптинских старцев может быть отнесено и к первому, и к третьему типам. Думается, что правильнее было бы для целей исследования выделить два типа: церковно-религиозное и эклектико-мистическое сознание, а затем уже в первом типе выделить два подвида: академическо-богословское и аскетико-мистическое сознание. Вероятно, это автор и имел в виду, только не вполне ясно представил классификацию. Однако и в последнем случае остаются вопросы: куда, например, следует отнести религиозное сознание святителя Филарета Московского?

Указанные недостатки не умаляют достоинств диссертации протоиерея Николая Александровича Карасева, проделанной им значительной работы и ценности полученных им результатов.

В заключение следует отметить, что диссертация протоиерея Николая Александровича Карасева является оригинальным самостоятельным исследованием, обладающим высокой степенью теоретической значимости,

обоснованности, новизны. Автореферат диссертации отражает ее содержание, основные положения и выводы.

Материалы и выводы, представленные в диссертации, могут помочь формированию более взвешенного, объективного и дифференцированного подхода к оценке феномена религиозной мистики в отечественных научных исследованиях.

Диссертационное исследование протоиерея Николая Александровича Карасева «Феномен православной мистики: истоки и осмысление в русской богословской мысли XVIII – сер. XX вв.» соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, в том числе изложенным в «Положении о докторских диссертационных советах в Русской Православной Церкви» от 13 марта 2015 года, а ее автор заслуживает присвоения ему ученой степени доктора богословия.

Доктор философских наук,
доцент департамента философии
учебно-научного центра гуманитарных
и социальных исследований МФТИ
141701, Московская область,
г. Долгопрудный, Институтский пер., 9.

 /Коцюба В.И./

6 декабря 2021 г.

